

НАЗВАНИЯ БОЛОТ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Славянская географическая терминология включает богатый и довольно дифференцированный набор лексем для обозначения болот. С разной степенью полноты и детализации болотная терминология представлена отдельными славянскими диалектами, что определяется не только своеобразием внешней среды, но и языковыми различиями в ее сегментации¹. В разных диалектах и даже в пределах одного диалекта существуют разные термины для обозначения какого-то одного типа болотистых почв. В качестве примера можно привести различные названия рудниковых болот: укр. *багріна* 'болото, богатое рудниками место' (Гринченко I, 18), польск. *rudawa* то же (Nitsche, 85), русск. диал. *коржава* 'ржавое болото, мочажина с болотной железной рудой' (Даль II, 164). С другой стороны, наблюдается явление иного рода — один и тот же термин приложим к разным типам болотистых почв и разным видам ландшафта²: ср. русск. диал. *вырь*, *вир* 'пучина, водоворот; твр. калуга, пожня, поемный луг или покос' (Даль I, 311), болг. *вир* 'глубокое место в реке' (БТР, 65), ц.-слав. *virъ* 'водный источник; глубокое место в реке; болото'.

Славянская лексика с общим значением 'болото' сложилась на основе перемещения и терминологического осмысления той совокупности лексем, которая связана с обозначением особенностей структуры и образования данного вида почв. Подвижность семантических и терминологических границ дает основание для установления исходной семантической базы исследуемой тематической группы, позволяет выявить возможные типы переходов значений. Наиболее общие семантические модели, лежащие в основе болотной терминологии, отмечены в лингвистической литературе³. Исходными для данной лексики признаются следую-

¹ Н. И. Толстой. Некоторые проблемы и задачи изучения славянских географических терминов. — «Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений». М., 1966, стр. 16—19.

² M. F. Buggi. Terms for Wetlands in the US. — «Abstracts of Papers 18-th International Geographical Congress». Rio de Janeiro, 1959, стр. 5.

³ В. М. Мокиенко. Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото'. — «Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений», стр. 19—21.

щие значения: 1) 'лес, кустарник, болотная растительность', 2) 'пропасть, углубление', 3) 'цвет (багровый, ржавый, серый)', 4) 'ключ, источник', 5) 'низкое место', 6) 'вязкий, топкий', 7) 'сырой, влажный', 8) 'ил, грязь, наносная почва' и др.

По образцу данных семантических моделей сложились как общеславянские обозначения болот, так и узко диалектные.

Оставляя в стороне вопросы, касающиеся единственности той или иной семантической модели, распределения семантических микрополей⁴, мы сосредоточим внимание на специальном изучении данной тематической группы в плане реконструкции праславянского состава болотной терминологии. Воссоздание праславянского словарного фонда предполагает сопоставительное изучение лексического материала по всем славянским языкам, последовательное расслоение систем путем снятия более поздних лексических пластов, выявления лексико-словообразовательных диалектизмов на славянской территории. Подобный анализ предусматривает обращение к историческим и этимологическим словарям.

* * *

Первый шаг к решению поставленной задачи — исключение заимствований, число которых довольно велико в славянских языках. В русском заимствовании в основном из северных языков (финского, коми): олонец. *ўти* 'болотистое место', арх. *чарусá* 'непроходимое болото', олонец. *шайма* 'болотистое место с карликовым березняком', арх. прм. сиб. *согра* 'болотистая равнина', арх. *сахта* 'торфяное болото' и мн. др.; в польском преимущественно из немецкого: *mada* 'ил, грязь', *maras* 'болото, ил', *mursz* 'торфяник', *hamajda* 'болотистый луг' и др.; в юнославянских языках отмечены тюркизмы: макед. *шамак* 'болото, заросшее камышом' и т. д.

Во многом поздний характер данной лексики делает необходимым выделение прежде всего явлений семантической инновации. Наблюдения над материалом показывают, что часть общеславянской лексики включается в число болотных терминов на очень ограниченной территории, чаще всего в некоторых диалектах одного или нескольких языков. Представляется полезным и интересным привести более или менее полный перечень семантических диалектизмов с указанием ареалов их распространения. При подаче материала отбираются лишь только те общеславянские основы, для которых отмечено значение 'болото'.

1. Одна из наиболее продуктивных семантических моделей

⁴ Исследование семантики славянских географических терминов, в том числе названий болот, занимает большое место в работе: Н. И. Т о л с т о й. Славянская географическая терминология (Семасиологические этюды). М., 1969.

предполагает образование названий болот по произрастающей на них растительности: 'болотная растительность (лес, кустарник, трава)' → 'болото' ⁵.

* *bogъ* 'сосна, сосновый лес' получает значение 'болото' в западно- и восточнославянских языках: польск. *bór* 'сосновый лес', подгальское *bór* 'болотистый луг, мшарник'. Сосна часто растет на мшарнике, поэтому в польских говорах *borowina*, *borowacizna* означают 'мшарник, поросший сосновой', а также вообще 'мшарник, торфяник' (Nitsche, 74). Укр. бойк. *bir*, *boru* 'сосновый лес; болотистое заросшее место' (Rudnicki, 18); в русских говорах среднего Урала *боровина*, *боровинка* представлены не в значении 'болото', а в значении 'возвышенное покрытое лесом место — остров среди болота' (Сл. сред. Урала, 52) ⁶.

* *drezg/-d-* первоначально, видимо, связано с обозначением леса,ср. болг. *дрездák* 'лес' (Младенов ТР, 598): значение 'болото, трясина' развивается в russk. dial. яросл. *дрязга* 'лесистая болотистая местность' (Мельниченко, 62); сюда же, очевидно, примыкают др.-русск. *дрязда* 'грязь(?)', болото(?), трясина(?)' (Срезневский I, 737) и расширенное суффиксальным формантом словен. *drézgalica*, *drozgalica* 'трясина' (Plet. I, 171).

* *čertъ* 'камыш, тростник': польск. *czeret*, *czerot* 'болото в лесу, заросшее камышом, тростником' (Nitsche, 75), являющееся, видимо, заимствованием из украинского или белорусского языка, с.-хорв. *črët* 'болотистый лес, торф' (Schütz, 50), словен. *črët*, *čréta* 'болотистое место, камыш' (Plet. I, 110). В южнославянских языках данный appellativ широко представлен в названиях болотистых лугов и лесов: ср.: *Creta* — болото на Птуйском поле, с.-хорв. кайк. топ. *Cret* ⁷.

* *gajъ* 'лес': в русских диалектах (кур., дон.) *гай* значит 'отдельная камышовая топь, плавня или кустистый кочкарник' (Даль I, 836).

К этой же семантической группе, видимо, можно отнести и чеш. *nákel* 'болото, влажное место с вербовыми зарослями' (Kott II, 34) при чеш. *náklí* 'молодая вербовая поросль' от праслав. *kъtlъ 'зародыш, росток': др.-чеш. *klí* 'зародыш', с.-хорв. *kalac* 'молодая трава' и др. (Machek, 317).

⁵ Подробнее о развитии значений 'лес, сосновый лес' → 'болото' см.: K. M o s z y n s k i. Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim. Lwów—Warszawa, 1921, стр. 4—6. Специально этому вопросу посвящена оставшаяся недоступной нам работа Э. Френкеля «Zum Bedeutungswechsel von 'Wald, Hain' mit 'Sumpf' in den idg. Sprachen». — REIE I, 1938, стр. 405—412.

⁶ Подробнее о названиях болот в болгарском языке см.: И. Странски. 'Български народни названия' на почвата според цвета и пр. — «Известия на почвения институт», II. София, 1954, стр. 291—313.

⁷ В е з л а ј, стр. 122.

*mъхъ 'мох': русск. диал. *мох* 'моховое болото' (Даль II, 352—353), полесск. *тмч* то же⁸, словен. *tmh* 'мох, болото' (Plet. I, 541). Значение 'болото' шире представлено в производных образованиях: *mъшара, *mъховина (см. ниже).

*trъстъ, *trъстыникъ 'тростник': польск. *trzcia* 'болото, заросшее камышом' (Nitsche, 89), укр. *трістя* 'болото' (Гринченко IV, 285), *тросник* 'камышевое болото' (Гринченко IV, 287). В Словении эта основа часто выступает в гидронимах и названиях болотистых мест, ср. *Trstenik*, название реки, топ. *Trsti*, *Trstje* и др.⁹

Подобный семантический диалектизм представляет и польск. *szarynnik*, *szarzynnik* 'болото, покрытое старым мохом'. Как полагает О. Н. Трубачев, в основе этого обозначения болота лежит не прилагательное *szary* 'серый'¹⁰, а старая основа *wisz* со значением 'болотная осока'. Ср. др.-русск. *вишь* 'зеленые ветви, хворост' (Срезневский I, 266), словен. *vîš* м., *vîš* ж. 'камыш, осока' (Фасмер I, 325). Отмеченные в украинском и белорусском производные образования на *-ар* (укр. *вишар* 'низменность, поросшая травой', блр. гродн. *вышар* 'болотное сено'), видимо, можно отнести к числу заимствований из польского языка, ср. *wiszar* 'место, заросшее сорняком'.

2. В основе некоторых славянских болотных терминов лежат лексемы с первоначальным общим значением 'бездна, пропасть'.

*lomъ в болг. *лом* 'яма, ров': др.-русск. *ломъ* 'болото' (Срезневский II, 46), диал. пск., тверск. *лом* то же, н.-луж. *łom* 'болотистое место, чаще как название леса или нивы' (Muka I, 783). Видимо, производное от *lomiti, ср. нем. *brechen—Bruch*.

*žerdlo / *žyrdlo, видимо, с первоначальным значением 'пропасть, провал', из которого развилось в некоторых диалектах значение 'источник': ср. укр. бойк. *žereło* 'источник, ключ' (Rudnicki, 35). В качестве названия болота эта основа в русск. диал. арх. *жорлб* (Шолтома) 'провал, зыбкое, топкое место на болоте' (Куликовский, 24), в сербском (шток.) представлено прилагательное *ždrilovit*¹¹ в значении 'болотистый'.

Корневая морфема *-pad-* 'впадина, углубление' в некоторых суффиксально-префиксальных образованиях получает значение 'болото': ср. польск. *przepadlisko* 'болото', н.-луж. *pšepadlišćo* 'болотистая почва' (Muka II, 224), кашуб. *přepadłeskъo* 'пропасть' (Nitsche, 84), укр. *припадъ* 'низменная местность' (Марусенко, 62), русск. сев. *западина* 'топкое, вязкое место' (Атлас).

3. В некоторых диалектах названия болот сложились из об-

⁸ Moszyński. Kultura ludowa, стр. 44.

⁹ Bezla j II, стр. 276.

¹⁰ Nitsche, стр. 88.

¹¹ Р. Алексић. Језик Матије Антуна Рельковића. — ЈФ X, 1931, стр. 165.

щеславянских основ с первоначальным значением 'омут, глубокое место'¹². Примером такого рода образований может служить русск. сев. *омут* 'болото' (Атлас).

*virъ 'глубокое место в воде': русск. диал. *выръ* твр. 'калуза, пожня, поемный луг' (Даль I, 311), ц.-слав. *virъ* 'водоворот, глубокое место в реке, болото', болг. *подвиръище* 'болото' (Геров IV, ч. 2, 78).

Другая ступень чередования представлена в старом русском названии болота близ Десны — *Оврут* < *vъгтъ (Vasmer II, 250), ср. с.-хорв. *vrútak* 'источник'.

Большой интерес представляет другая однокоренная основа со ступенем удлинения в чеш. *ávar* 'болото' (Kott IV, 493).

**ple(t)so* в др.-русск. *плесь* 'колено реки от одной луки до другой' (Срезневский II, 963), укр. *плéсо* 'глубокая яма в реке с водоворотом, расширенное незаросшее место в реке с медленным течением' (Марусенко, 65);польск. *pło* 'бездонное болото' (Nitsche, 84), чеш. *pleso* 'глубокое место в воде' (Kott II, 584) и 'озеро, болото' (Moszyński, 12—13), н.-луж. *plosó* то же (Muka II, 80), близко к ним по значению укр. *поплісок* черниг. 'род большой лужи, оставшейся после половодья или большого дождя на месте, покрытом травой' (Гринченко III, 332).

*struga в русск. диал. *стрúга*, мн. ч. *стругá* сев. 'омут, колдобина в речке, которая летом пересыхает, покидая лишь местами воду', с.-в.-р. новг., курск. 'глубокое место, лужа, остающаяся летом от почти пересыхающей речки' (Даль IV, 585): русск. пск. *истрúга*? 'небольшое, отдельное озерко или болотце от местных ключей' (Даль II, 62), укр. *стружка* 'болотистая западина, наполненная водой' (Марусенко, 80).

В очень узкой области можно наблюдать переход значений 'озеро' → 'болото': словен. *jezerína*, *jezeríšče* 'болото' (Plet. I, 370). В Бескидах нет озер, *ozero* значит 'болото' (Stieber II, 53). Промежуточную ступень, видимо, отражает укр. *озеря́вина* 'высохшее озеро, место, где было озеро' (Гринченко III, 145). Ср. русск. сев. *озеро* 'болото' (Атлас).

Условно к этой группе можно причислить праслав. *luža, выступающее в функции болотного термина в н.-луж. *luža* 'лужа, болото' (Muka I, 795), чеш. *louže* то же (Kott I, 947), русск. диал. *лúжа* 'застойная вода', *лúжина* 'низменное мокрое место, мочажина' (Даль II, 271), словен. *lúža* 'лужа' (Plet. I, 538) в значении 'болото' в названии *Vrbovška Luža*¹³.

4. Некоторые общеславянские основы со значением цвета послужили основой для образования названий болот в некоторых диалектах.

¹² Исследование этой группы лексики дано в статье: F. Bezlaj. *Sinonima za pojem «locus fluminis profundior»*. — SR V—VII, 1954.

¹³ Bezlaj I, стр. 364—365.

*ruda со значением ‘красный’: польск. *ruda* ‘руда; торф; болото’ (Nitsche, 85), и.-луж. *ruda* ‘влажная земля, содержащая железняк’ (Мика II, 351), укр. *рудá* ‘руда; ржавое болото’ (Гринченко IV, 85). Значение ‘болото’ представлено в производных образованиях *rudъka, *rudava (см. ниже).

От того же корня, но с иной огласовкой **rъdjavъsъ/-ьka*: польск. *rdzawka* ‘болото’ (Nitsche, 85), русск. диал. *ржáвец* ‘ржавое болото, красножелезистая мочажина, родники из-под буро-железной руды’ (Даль III, 1684), с приставкой *ко-* нвг. *коржава* ‘ржавое болото’, *коржавина* то же (Даль II, 164), укр. *ржáвець* то же (Гринченко IV, 11), блр. с другим суффиксом *иржáвинне* ‘ржавчиной покрытое болото’ (Носович, 225).

Многие названия болот, образовавшиеся по данной семантической модели, носят единичный характер. Ср. укр. *багрýна* ‘болото, богатое рудниками место’ Желех. (Гринченко I, 18), русск. диал. *черéнь*, *чернь* ‘торфяное болото’ (Даль IV, 1316), польск. *siwica* ‘болотистый луг’ (Nitsche, 87).

5. В некоторых славянских диалектах представлено развитие значений ‘грязь, ил, наносная почва’ → ‘болото’.

*plavъ: польск. *plawy* ‘низко лежащий луг’, кашуб. *pław* ‘заливаемый водой влажный луг, зыбучее болото’ (Nitsche, 70), русск. диал. курск. *плав* ‘трясина, где под дерном вода’ (Даль III, 118), укр. *плав* ‘мокрая заболоченная низменность’ Киевск. (Марусенко, 64). Параллельно существуют приставочные формы: польск. *poplaw* ‘влажный болотистый луг’ (Nitsche, 84), блр. *popławúj* ‘мокрые ровные низины при болоте, заросшие высокой и сладкой травой’ (Moszyński, 16), укр. *поплава* ‘болотистое пастище’ (Гринченко III, 1332). По нашим наблюдениям, значение ‘болото’ у этой основы не развивается в южнославянских языках.

*tina: др.-русск. *тина* ‘болото, тинистое место; грязь’ (Срезневский III, 959), чеш. *tina* ‘болото’ (Kott IV, 86).

Единичные случаи подобного развития представляют ц.-слав. *bвъпъje* ‘болото’ (< *brъna ‘грязь, глина’); с.-хорв. *brljaga* ‘лужа, болото’, *brljig* ‘болото, в котором валяются свиньи’ (Iveković-Broz I, 104), видимо, связанные с общеслав. *bъrlogъ (укр. *барліг* ‘логово медвежье, свиное; грязная лужа’ и др.); укр. *прогñий* ‘незамерзающее место на болоте’, *прогñіна* ‘трясина’ (Гринченко III, 462) при общеслав. *gnojъ ‘навоз, помет’; русск. диал. *иловой* ‘низина, топь’ (< *ilъ ‘ил, грязь’); чеш. *mula* ‘болото, ил’ (Kott I, 1085) при повсеместном значении ‘ил, грязь’ (Nitsche, 81—82).

6. В отдельных славянских языках в функции болотных терминов выступают обозначения низких ровных мест, земельных участков. Значение ‘болото’ можно отметить для основ, содержащих праславянскую корневую морфему *dol: русск. яросл. *подол* ‘низкое болотистое место’ (Мельниченко, 151), укр. *долина* ‘мокрая

низменность' Хмельн., 'мокре место между взгорьями' Винниц. (Марусенко, 35), болг. *долчина* 'болото' (БГР, 152), н.-луж. *dot* 'лужа, болото' (Muka I, 184).

*galъ, *galo в восточнослав. языках: укр. *гало* 'низинная, болотистая местность' Житомир. (Марусенко, 28), брл. полесск. *gało* то же (Moszyński, 6), ср. русск. *гáлое болото* смол. 'безлесное болото' (Фасмер I, 384), морав. *gál* 'болото' (Ślawski, 393—394). Данная основа, видимо, связана чередованием гласных с *голь*, ср. др.-польск. *gola* 'открытое, ровное место', н.-луж., в.-луж. *hola* 'степь, лес' и др. (Ślawski, 393—394).

*łoka обычно в славянских языках выступает в значении 'изгиб реки, луг, долина', только в словен. *lóka* (Plet. I, 529) отмечено значение 'болотистый луг'.

Некоторые термины подсечного земледелия на очень узкой территории становятся обозначениями болот. Таковы русск. рязан. *корь*, *корек* в значении 'низкое, болотистое место, болотце (среди поля или под лесом), заросшее кустарником или покрытое кочками'¹⁴ и польск. *kierk*, *kierzka* 'болотистое место между холмами' (Nitsche, 78) с исходной основой *kъrk-/*kъrc- (словен. *krč* 'невозделанное поле', штир. *krča* 'вырубленный лес, новь')¹⁵, русск. диал. *ляда* 'низкое болотистое место' волог., калинин., влад., великолук., смол., брян., моск., орл., тульск., курск., *лядина* то же ленингр., новг., волог., киров., великолук., калин., иван., яросл., горьк., смол., костр. и др.¹⁶ от праслав. *ledo 'новь, целина'¹⁷ (Vasmer II, 81); польск. *lazy* 'болотистая поверхность' при словен. *laz* 'новь', русск. *лазина* 'прогалина в лесу' и др.¹⁸, словен. *palnice* 'болото' от *paliti (Miklosich, 235)¹⁹. Использование данных лексем в значении географического термина единично, носит, видимо, поздний характер и является отражением некоторых общих семантических моделей, действующих в славянских языках.

7. Незамерзающие болота с теплыми источниками в части славянских диалектов обозначаются основами, содержащими праславянские корни **dux-* и **par-*.

**dux-*: польск. *duchowina* 'влажная, болотистая почва', укр. *пробдуха* 'мокрая ложбина между холмами' (Марусенко, 71) и *духо-*

¹⁴ Г. П. Смолицкая. *Корь (корек)* как географический термин. — «Местные географические термины в топонимии», стр. 23—24.

¹⁵ Fr. Bezlaj. *Krčevine*. — SR 1—2, 1955, стр. 5—6.

¹⁶ О. І. Порохова. Слова *ляда*, *лядина* и *нива* в русских народных говорах. — «Лексика русских народных говоров». М.—Л., 1966, стр. 183—184.

¹⁷ M. Rudnicki. Wartość nazw drzewa bukowego, *łososia* i *rdzenia lendh* dla wyznaczenia prakolebski (praojczynny) indoeuropejskiej i słowiańskiej. — ВРТ XV, 1956, стр. 135.

¹⁸ J. Charpentier. Kritische Bemerkungen zum urslavischen Entnasalierungsgesetz. — AfslPh XXIX, 1907, стр. 5.

¹⁹ Fr. Bezlaj. *Krčevine*, стр. 20.

вына 'не замерзающее место в реке' (Nitsche, 75—76), русск. сев. *продушина* 'ямы на болоте' (Атлас).

**par-*:польск. *parы* 'незамерзающее болото' (Nitsche, 83), *sparzysko* то же (Nitsche, 87), *oparzelisko*, *oparzysko* то же (Nitsche, 82), н.-луж. *para* 'грязь, болото' (Muka II, 18), *parišćo* 'застойная вода' (Muka II, 19), чеш. *opařelisko* 'незамерзающее болото' (Kott VII, 107), *opariško* то же, русск. диал. олон. *запáръ* 'испарение от болота' (Куликовский, 27), укр. *vіdpáръ* 'на болоте не зарастающее и не замерзающее место' (Гринченко I, 222).

Обе основы в значении 'болото' не встречаются в южнославянских языках.

Хотя рассмотренные выше названия болот и не первичны в семантическом отношении, ими, видимо, не следует пренебрегать при реконструкции праславянского состояния. Трудно определить хронологические рамки появления того или иного географического термина, но в ряде случаев речь может идти хотя бы предположительно о семантических диалектизмах общеславянского языка (*drezga / *drezda, *certъ, *mъхъ, *lomъ, *struga, *virъ / *vъrgtъkъ / *uvarъ, **ple(t)so*, *ruda, *rъdjavъсь / *rъdjavъka, *tina, **dux-*, **par-*, *luža).

* * *

Дальнейшие поиски связаны с выделением той части лексики, которая более или менее единообразно функционирует в системе болотных терминов. При рассмотрении образований преимущественно непроизводного характера в праславянский лексический фонд будут отнесены *bělbъ, *bolto, *bara, *kalъ с производным от него *kaluga, *molka и суффиксальное образование *soltina. Данные основы, видимо, не нуждаются в приведении полного перечня славянских соответствий, их легко можно найти во всех этимологических словарях.

Для некоторых основ отмечены варианты корневых морфем с отражением вокалических (*ø/e*) и консонантных (*k/c*) чередований. Сам факт наличия подобных чередований указывает на глубокую древность данных морфем, хотя географическое использование их могло быть более поздним по времени.

*gręz / *gręz: польск. суффикс. *grzęzawica* 'болото' (Nitsche, 76—77), чеш. *hrez* 'грязь, болото' (Kott I, 491), др.-русск. *граzъ* 'грязь, тина', *граzина* 'грязное, топкое место' (Срезневский I, 605), урал. *zágrezъ* 'болото, болотистое место, жидкая грязь' (Сл. сред. Урала, 169), словен. *gręz* 'грязь, болото' (Plet. I, 251) || польск. *grąz*, *grąz* 'болото' (Nitsche, 76), укр. бойк. *hruž* то же (Rudnicki, 22), укр. *груzóта* 'топкое место, трясина' (Гринченко I, 333).

*logъ / *legъ: польск. *łqg* 'низменное место, болото' (Nitsche, 79), чеш. *luh* 'болотистое место, заросшее лесом, кустарником' (Kott I, 952), н.-луж. *ług* 'болотистая низменность' (Muka I, 791—792), др.-русск. *лугъ* 'лес, дубрава; болото' (Срезнев-

ский II, 49), укр. *луги* 'мокрая, заболоченная низменность' терноп. (Марусенко, 51), полесск. *luh* 'болотистый луг' (Moszyński, 11), польск. *łęg* 'болотистый луг, лес' (Nitsche, 79), русск. диал. олон. *ляга* 'лужа, пруд; реже мокрое, вязкое место' (Куликовский, 52; Даляр II, 285).

**tres-/*tros-*: основа с отражением носового *ɛ* имеет общеславянское распространение, о ней речь будет идти ниже. Только на территории сербохорватского языка в значении 'болото' отмечены обе основы с отражением чередования *e/o*: *treskavica* 'болото', *treskavište* 'болотная почва' и *trùskavica* 'торф' < **tros-* с расширителем *-k-* (Schütz, 51).

**mokъ/*moky/*moč-*: словен. *mòk*, *móka* 'болото' (Plet. I, 598), с приставками *zamòk* 'болотистое место' (Plet. II, 854), *namòk* 'влажная почва' (Plet. I, 652), укр. *vìdmoka* 'мокрое место в земле, мочага' (Гринченко I, 220), укр. *mokvá* 'низменное место, заливающее водой' Полесье, 'мокрая, болотистая местность' Одесса (Марусенко, 53), словен. прист. *zamòkva* 'болото' (Plet. II, 854), *zmòkve* 'болотистые места' (Plet. II, 932), ц.-слав. *mocha* 'болото' (Vasmer II, 166), укр. *móči* 'мокрая, заболоченная низменность' Иван-Франк. (Марусенко, 54). Очень широко основа *moč-* представлена в производных образованиях: *močvarъ, *močiva, *močidlo (см. ниже).

Особенность приведенных основ составляет то, что географическое значение (хотя и является для них одним из многих других значений) получает общеславянское распространение.

* * *

Следующий шаг предполагает выявление лексических диалектизмов, представленных в системе болотных терминов. Укажем лишь наиболее характерные диалектные связи.

Соответствия с восточнославянским ареалом распространения:

**dreg(ъ)va* < *dregati: русск. диал. смл. *дрягва* 'болото, зыбун, трясина' (Даль I, 494), блр. *dręgęć* 'трясина в болоте' (Носович, 145), полесск. *dřahvà* 'трясина'²⁰, укр. *dragva* 'топь, топкое место' (Гринченко I, 239), *drяgвá* то же (Гринченко I, 450).

**merča/*morky*: русск. диал. *мерέча*, *мярέча* смл. 'болото' (Vasmer II), блр. *nièmerec* 'болотистое место в лесу'²¹, укр. *morokvá* 'трясина' (Гринченко II, 446). Данная основа в качестве апеллятива представлена только в восточной группе славянских языков, для западно- и южнославянской групп она может быть реконструирована по данным топонимии:ср. польск. *Mrocza*, н.-луж. *Mroscina*, *Mrosina*²², чеш. *Mrač*, словен. *Mrakov potok*²³.

²⁰ Moszyński. Kultura ludowa, стр. 44.

²¹ Там же.

²² E. Eichler. Eine westslawische Bezeichnung für 'Sumpf, Feuchtigkeit': altsorbisch *mroka. — ZfS I, 3, 1956, стр. 39—42.

²³ Bezlař II, стр. 38—39.

*kaćь < *kačati: русск. *кач* пск., твр. 'трясина, топъ' (Даль II, 99), полесск. название болота *Kačāj-balđto* содержит тот же корень²⁴.

Производным от глагола *žeti является русск. диал. арх. *жемь* 'сырая почва, мочажина, где из-под ноги выступает слякоть, вода' (Даль I, 527), блр. пристав. *нáжма* 'топкое место' (Носович, 307).

Широкие лексические связи польского с восточнославянскими языками (и особенно с украинским) пронизывают славянскую географическую терминологию. Из них только польско-украинскими являются следующие соответствия: польск. *kołbań* 'илистое болото' (Nitsche, 78), укр. бойк. *kałabańa* 'большое болото' (Rudnicki, 23); польск. *ochab* 'болото' (Nitsche, 82) и укр. *oxába* 'лужа, болото; старое русло реки' (Гринченко III, 78); польск. *chrąp* 'болото', кашуб. *chrwór* 'кустарником заросшее болото в лесу' (Nitsche, 75), укр. *xrapá* 'замерзающее болото'²⁵; польск. *łuzak* 'болото, луг' (Nitsche, 79), русск. диал. влд. *лузъ* 'луг; поросшая лесом низина' (Vasmer II, 61).

Отсутствие южнославянских соответствий составляет особенность двух достаточно продуктивных основ:

*bagъno: польск. *bago* 'болото', чеш. *bahno* то же, русск. диал. *багно* то же, укр. *багно* то же, блр. *багна* то же и др. (Nitsche, 71—72)²⁶.

*timěno: польск. *tymiano* 'болото' (Nitsche, 90), чеш. *timeno* то же (Kott IV, 85), др.-русск. *тимѣно* 'грязь, тина', н.-луж. *tméne*, *ména* то же (Muka II, 825), но ср. словен. топ. *Temepica*²⁷.

В названиях болот преобладают производные образования, в большинстве своем сохранившие прозрачные соотносительные связи с основами имени и глагола. Для точной локализации тех или иных суффиксальных формантов, используемых при образовании болотных названий, требуется, видимо, более полное и всестороннее обследование всей ландшафтной терминологии. Исследуемый нами материал позволяет выявить самые общие закономерности в распределении лексико-словообразовательных вариантов основ. Как правило производные образования сложились путем соединения простой основы, уже функционирующей в качестве обозначения болота, с одним или несколькими суффиксами: ср. *bolto—*boltina, *boltovinā, *boltišče и др. Некоторые из них представлены если не во всех славянских языках, то, по крайней мере, в отдельных диалектах всех трех групп славянских языков.

²⁴ Moszyński. Kultura ludowa, стр. 44.

²⁵ М. М. Лизанець. Морфологічні особливості (словозміна) говірки села Родниківка (Ізвор) Свалявського району. Дипломна робота (рукопись). Ужгород, 1956, стр. 98.

²⁶ K. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław-Kraków, 1957, стр. 162.

²⁷ Bezlaj II, стр. 255—256.

*boltina: др.-чеш. и соврем. чеш. *blatina* 'болото' (Kott I, 70), русск. диал. *болотина* то же (Даль I, 110), словен. *blatína* то же (Plet. I, 32).

*bolťnica: русск. диал. *болотница* олон. 'мокрое место, болото' (Куликовский, 5), чеш. *blatnice* то же (Kott. Dodatky 1005), словен. *blátnica* то же (Plet. I, 32).

**mocidlo/-adlo*: русск. диал. *мочило* 'колдобина, пруд, окошко в болоте' (Даль II, 357), чеш. *mocidlo* 'болото' (Kott I, 1055), польск. *moczadło* то же (Nitsche, 81), словен. *mocičlo* 'лужа, болото' (Badjura, 231).

*mokrina: польск. *mokrzyna* 'болото' (Nitsche, 81), чеш. *mokřina* то же (Trávníček, 954), русск. диал. *мокрина* 'лужа, мочажинка, болотце' (Даль II, 340), укр. *мокрина* 'мокрое место, болото' (Гринченко, II, 440), словен. *mokrīna* 'мокрое место' (Plet. I, 599).

*mokrədъ: др.-русск. *мокра́дъ* 'болото' (?) (Срезневский II, 164), чеш. *mokřad'* то же (Kott I, 1060), словен. *mokrād* 'влажное место' (Plet. I, 598).

Обозначения болот могут иметь несколько лексико-словообразовательных вариантов, лишь для некоторых из них удается более определенно проследить ареалы распространения. Таковы общеслав. *močarъ и словен.-серб. *močvarъ/*močvîrъ*: польск. *moczar* 'болото' (Nitsche, 81), чеш. *močár* то же (Kott I, 1055), укр. *мочар* 'топь, низменное, с подпочвенной водой место' (Гринченко II, 450), болг. *мочюр* 'болото' (Геров IV, ч. 2, 78), макед. *мочур* то же, словен. *močér* то же (Plet. I, 595) || с.-хорв. *močvâr* то же (Iveković—Broz I, 700), словен. *močvâra* то же (Plet. I, 595) и *močvîr* то же > с.-хорв. *močvîr* (Schütz, 63). Еще большее разнообразие словообразовательных вариантов представлено для другого обозначения болот: *tresъ, *tresina, **tresov-*, **trešet-* (от *trešti). Они следующим образом распределяются на славянской языковой территории: **tres-* только в словен. *trës* 'трясина' (Plet. II, 687); общеславянское распространение имеет **tresov-*: польск. *trzësawa* 'трясина' (Nitsche, 89), чеш. *třasavka* то же (Kott IV, 148), укр. *трясовина* 'мокрая заболоченная низменность' (Марусенко, 82) Черниг., Хмельн., блр. *трясовіна* 'трясина, зыбкое место' (Носович, 642), болг. *тръстлина* то же (Геров IV, ч. 2, 78); восточнослав. *tresina: русск. диал. *тряси́на* (Даль IV, 439), укр. *трясина* (Марусенко, 82), только южнославянские языки характеризует основа *trešetъ: с.-хорв. *trešet* 'торф' (Schütz, 51), словен. *treset* то же (Plet. II, 687), макед. *trceset* то же.

Достаточно древним обозначением болот следует признать *topъ/*topnъ*, **topn'a* (от *topiti). Основы имеют общеславянское распространение, но в значении 'болото' в польском и русском языках выступает *topъ: сп. русск. диал. *топь* пск. 'топкое, вязкое место, болото' (Даль IV, 416), польск. *top* 'болото'

(Nitsche, 88), на остальной славянской территории в том же значении представлена основа **topnъ/*topn'a*: чеш. *třňe*, *třň* 'глубокое место, болото' (Kott IV, 227), н.-луж. *ton̄* 'болото' (Muka II, 762), с.-хорв. *tđnja* 'торфяник' (Schütz, 51), словен. *tđnja* 'глубокое место в воде; лужа, болото' (Plet. II, 676).

Менее четкое географическое распределение характеризует те лексико-словообразовательные варианты, которые различаются наличием или отсутствием суффиксального форманта *-ělъ*. Здесь можно указать уже упоминавшиеся русские диал. *дрязга* 'лесистая, болотистая местность' (Мельниченко, 62) и словен. *drézgalica*, *drozgalica* 'трясины' (Ptet. I, 171), с.-хорв. *glib* 'грязь, болото' (Iveković—Broz I, 314), болг. *глиб* 'трясины, болото' (Младенов ТР, 435) и польск. *glibiel* то же (Nitsche, 76), а также др.-русск. *зыбъ* 'зыбкое место, трясина' (Срезневский I, 1009), словен. *zíbi* 'болото' (Plet. I, 920) и русск. диал. *зыбель* яросл. 'трясины' (Мельниченко, 79). В ряду образований на *-ělъ* можно отметить русск. диал. *топе́ль* пск. 'топкое, вязкое место, болото' (Даль IV, 416), польск. *topielisko* то же (Nitsche, 88), русск. прибалт. *вáзель* 'вязкое дно' (Г-ры Прибалтики, 63), русск. пск., твр. *месéлица* 'вязкая, топкая грязь' (Даль II, 69).

При анализе словообразовательной структуры рассмотренных выше образований обращает на себя внимание тот факт, что многие достаточно древние отлагольные имена представляют простые корневые основы: ср. блр. *вязъ* <**vęzti*, русск. *зыбъ* <**zybati*, качь <**kačati*, топъ <**topiti*, др.-русск. *граэзъ*, укр. *hruž* <**gręzniči*, **groziti* и др.

На одну очень древнюю словообразовательную особенность словен. *zibote* 'болото' любезно указал проф. Фр. Безлай. По происхождению это старое причастие на *-qtъ* от глагола *zibati* (Plet. II, 919). Оно стоит в одном ряду с образованиями типа словен. *Zjot* (в Белой Крайне название подземного углубления) <*zijati*, словен. *vrotek*, русск. топ. *Оврут* <**vъrötъkъ*, словен. *mogotec* <**mogotъsъ*. Использование причастных образований в функции болотного термина отмечено только в русском и словенском языках.

К числу древних словообразовательных формантов принадлежат суффиксы *-*tъ*, *-*to*, выделяемые в составе двух основ: **soltъ* <**solъ* и **bolto* (ср. лит. *balà* 'болото')²⁸.

Подытоживая все вышеизложенное, мы позволим себе привести перечень болотных терминов, имеющих общеславянское и узко диалектное распространение.

Общеславянские термины: **bělъ*, **bolto*, **boltina*, **boltynica*, **bara*, **gręzъ/grozъ*, **kalъ*, **kaluga*, **legъ/lögъ*, **molka*, **mokъ*/

²⁸ А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 284.

*moky/**moc-*, *močarъ/*močvarъ/*močvīrъ, *močidlo, *mokrina, *mokrēdъ, *topъ/*topnъ/**topn'a*, **tr̄esina*/**tr̄esov-*/**tr̄set-*, *soltina.

Лексико-словообразовательные диалектизмы: *bagъno, **dreg(ъ)va*, **gr̄ezina*, *glibъ, *merča/*morky, *timěno, *zybъ и др.

Тождественные по своей структуре славянские лексико-словообразовательные варианты признаются потенциально архаичными, хотя и не всегда с категорической определенностью могут быть отнесены к праславянскому уровню из-за отдельных поздних инноваций.²⁹

Названия болот образуют довольно подвижные системы, совмещающие в себе явления разных хронологических уровней. В целом едва ли можно говорить о глубокой праславянской древности болотной терминологии. Само значение 'болото' для подавляющего большинства рассмотренной лексики является общей семантической инновацией. Процесс формирования этой терминологии осуществляется в основном в период интенсивного выделения отдельных славянских языков.

Самостоятельными географическими терминами, пожалуй, можно признать лишь *bolto, *bělъ, *bagъno, *merča/*morky, *timěno. Лишенные семантической мотивированности на праславянском уровне, они обнаруживают параллели, правда, не всегда достаточно точные, в балтийских и германских языках. Так, *bolto более или менее определенно сопоставимо с лит. *báltas* 'белый', *bagъno, для которого в нижнелужицком отмечена непроизводная форма *bagi* мн. ч. < *bagъ, допускает сближение с др.-в.-нем. *bah*, нем. *Bach* 'ручей'³⁰. Соответствия в балтийских языках обнаруживает и *merča / *morky: лит. *merka* 'влажность, сырость', лтш. *marks* 'маленький пруд на лугу' и др. Очень неясным остается происхождение западно- и восточнославянской основы *timěno, авторы этимологических словарей связывают его с *tina*, *tajatъ*, сближая с греч. *τίλος* 'жидкие испражнения', англос. *dīnan* 'намокать' и др. (Vastm III, 105). Видимо, эти термины складываются на уровне, предшествующем праславянскому, в соответствии с теми семантическими моделями, которые действовали и в поздний период развития славянских языков.

Затемненной внутренней формой обладают некоторые единичные образования, словообразовательные связи для них про-

²⁹ Понятие праславянского лексического диалектизма получило освещение в работах: О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ, 1957, № 5; О же. О составе праславянского словаря. — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов»; О же. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — «Сербо-лужицкий лингвистический сборник». М., 1963.

³⁰ О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков, стр. 160.

ясняются с помощью этимологических изысканий. Примером такого рода случаев может служить russk. *дребь* олон. 'не-проходимые мхи' (Куликовский, 20), *дребезина* 'трясина, тонкое место' (Сл. сред. Урала, 145). Поставленное в один ряд с болгарским *дреба́к* 'мелколесье', *дребен* 'мелкий' (Младенов, ТР, 596—597), оно допускает сближение с russk. *дреба* 'густок, осадок, выжимки', последнее чередованием *e/o* связано с *дроба*, *дробить*. Русскому *дребезина*, возможно, соответствует лит. *drebėzna* 'осколок, заноза'. Сходный тип образования представляет *lomъ < *lomiti.

Стерлись внутренние связи для словенских основ *mízga*, *mízga*, *míža*, *mezína* 'болото', видимо, исконно родственных. Представленная в словенском форме *možirje* 'болото' указывает на вариантистость основ с суффиксом *-g-* и без него: *muzgъ (ср. также др.-русск. *музгъ* 'тина') / *muz-* (словен. *míža*) с полной ступенью корневого вокализма. Ступень редукции, видимо, представляет словен. *mezína* 'болото' (Plet. I, 579) < *mъza / *mъzga (ср. russk. *мзга* 'слияность, сырость')³¹.

В славянских языках доминирующее положение занимают термины, сохраняющие черты вторичного семантического использования. На основании внутриязыковых данных восстанавливается для них исходный круг значений. Достаточно простого обзора форм и связанных с ними значений, чтобы произвести общеслав. *soltina от *soltъ (ср. *солоть* ярос. 'топкое, ржавое место'), а последнее от *solvъ,ср. russk. диал. *засолы* 'застойная или ржавая вода, стоящая окошками в болотах' (Даль I, 633), чеш. *solanka*, *solniště* 'соляное болото' (Kott III, 516, 518), укр. *солонець* 'мокрая, заболоченная низменность' (Марусенко, 79). Получает семантическую мотивированность и общеслав. *molka, поставленное в один ряд с чеш. *mlkly* 'сырой', *mlkvý* то же, слвц. *mlkly* 'сырой, незрелый', с.-хорв. *mlâk*, *mláka* 'тепловатый' (RJA VI, 830—831). Наибольшую связь с исходным значением сохраняет с.-хорв. *mlâkva* 'незамерзающее болото', *mlâka* 'болото, в котором бьют ключи' (Iveković—Broz I, 695). В основном же болотные термины имеют довольно прозрачную внутреннюю форму, позволяющую легко проследить семантические переходы.

Сложившиеся в славянских языках названия болот образуют пересекающиеся системы, в которых генетически унаследованные части сосуществуют с общностями, явившимися результатом типологического сходства.

Продуктивный способ обозначения болот по признаку, передаваемому глагольной основой, по-разному реализуется в славянских языках. Наряду с общеславянскими и узко диалектными отглагольными образованиями типа *gręzъ / *grozъ и

³¹ Bezla j II, стр. 45.

*zybъ существуют единичные основы, сложившиеся в отдельных диалектах по этой же модели. Типологически сходными являются русск. *диал.* *дыбун* арх. 'тонкое болото, непроходимая трясина' <*дыбать*, укр. *здвижбина* 'трясина' <*двигати*, польск. *wedzma* <*wzdać*, *wzdytać* (Nitsche, 71), с.-хорв. *plošta* 'болото, лужа' <*plóskati* 'шлепать по грязи' (Schütz, 64–65) и мн. др. Число таких единичных обозначений болот в отдельных славянских языках довольно значительно. Общим для них является то, что в своем функционировании они подчиняются определенным семантическим моделям, о которых речь шла выше³².

Болотная терминология составляет поздний слой географической лексики индоевропейских языков³³. Системы болотных терминов типологически сходно устроены. Однотипные семантические модели накладываются на сходный лексический материал. Следствием генетических связей, а также действия типологически сходных тенденций является частичное совмещение этих систем, и в особенности близкородственных. Примером последних могут служить балтийские и славянские языки. В балто-славянской языковой области наблюдаются следующие формально-семантические соответствия: *luža—лит. *liūg(n)as* 'болото, лужа', *lomъ—лтш. *lāma* 'лужа, болото', *mulvъ—лит. *mulvē* 'ил, болото', *struga—лтш. *strūga* 'болото', *straūga* 'низкое место, где можно провалиться'. Остальные соответствия допускают те или иные расхождения: **dreg(ъ)va*—лит. *drēgnas*, лтш. *drēgns* 'сырой', **gręzъ / grozъ*—лит. *grimžlės* 'болото', *dъbno—лтш. с суфф. -r- *dubra* 'болото, лужа', *mokъ—лтш. *makta* 'болото', **meča / morky*—лит. *merka* 'влажность, сырость', лтш. *marks* 'маленький пруд на лугу'.

Балтийская болотная терминология, как и славянская, — плод скорее самостоятельного развития, и те немногочисленные соответствия, которые имеют место, свидетельствуют о наличии лексических инноваций в этой языковой области³⁴.

³² В рамках данной статьи мы лишены возможности привести полный перечень всех типологически сходных единичных обозначений болот по всем славянским языкам. Число их довольно велико. Следует также заметить, что мы не претендуем на исчерпывающее описание всей болотной терминологии. Для нас важно отметить лишь основные семантические и словообразовательные типы болотных терминов.

³³ C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949, 1. 214, стр. 20.

³⁴ Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Ж. Ж. Варбот, В. А. Меркуловой, Н. И. Толстому, О. Н. Трубачеву, а также акад. Ф. Безлаю, проф. Ф. Славскому и док. Х. Шустеру-Шевцу за те ценные замечания, которые были сделаны при подготовке доклада и во время обсуждения его на Симпозиуме.

Сокращения

Атлас

М а р у с е н к о

B a d j u r a

B e z l a j . Slov. vodna
imena

M o s z y ń s k i . Kultura
ludowa

P l e t .

R u d n i c k i

S c h ü t z

S t i e b e r

Рукописные материалы Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы. Хранятся в Институте русского языка АН СССР. Т. А. М а р у с е н к о . Материалы к словарю украинских географических appellativov' (названия рельефов). Рукопись.

R. B a d j u r a . Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.

Fr. B e z l a j . Slovenska vodna imena, I—II. Ljubljana, 1961.

K. M o s z y ń s k i . Kultura ludowa słowian. Część II. Kultura duchowa. Kraków, 1939.

M. P l e t e r š n i k . Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.

J. R u d n i c k i . Nazwy geograficzne Bojkowszczyzny. Lwów, 1939.

J. S c h ü t z . Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Zd. S t i e b e r . Toponomastyka Łemkowszczyzny, II. Nazwy terenowe. Łódź, 1949.